

Моим родителям

*И всем тем — друзьям, исследователям, —
кто внес лепту в строительство этого здания*

За несколько секунд, что понадобятся вам для прочтения следующих четырех строчек...

...40 человек и 700 миллионов муравьев успеют родиться на планете Земля.

...30 человек и 500 миллионов муравьев успеют умереть на планете Земля.

ЧЕЛОВЕК: Млекопитающее ростом от одного до двух метров. Вес — от 30 до 100 килограммов. Период беременности у самок — 9 месяцев. Тип питания — всеядность. Предполагаемая численность популяции — более 5 миллиардов особей.

МУРАВЕЙ: Насекомое размером от 0,01 до 3 сантиметров. Вес — от 1 до 150 миллиграммов. Кладка яиц — произвольная, в зависимости от запаса сперматозоидов. Тип питания — всеядность. Вероятная численность популяции — более миллиарда миллиардов особей.

Эдмонд Уэллс

Энциклопедия относительного и абсолютного знания

ПРОБУДИТЕЛЬ

— Вот увидите, это совсем не то, чего вы ждете.

Нотариус пояснил, что дом внесен в реестр исторических памятников и что когда-то здесь проживали философы эпохи Возрождения, — впрочем, кто именно, припомнить он не смог.

Поднявшись по лестнице, они вошли в темный коридор, и нотариус после долгих, но безуспешных попыток нажать на кнопку выключателя, сказал:

— Фу-ты, черт! Не горит.

Дальше они продвигались впотьмах, нащупывая руками стены и производя немалый шум. Наконец нотариус добрался до двери, открыл ее и, нажав — на сей раз небезуспешно — на кнопку выключателя, разглядел искажившееся лицо клиента.

— Что с вами, господин Уэллс?

— Нечто вроде навязчивого страха.

— Бойтесь темноты?

— Точно. Но мне уже лучше.

Они осмотрели помещение. Это был полуподвал площадью двести квадратных метров. Хотя на улицу выходило лишь несколько узеньких окошек под потолком, квартира Джонатану приглянулась. Все стены были оклеены одинаковыми серыми обоями, повсюду лежала пыль... Но привередничать он не собирался.

Нынешняя его квартира, в отличие от этой, размещалась на шестом этаже. К тому же у него больше не было денег на ее оплату: слесарня, где он работал, с недавних пор решила, что может обойтись без его услуг.

И тут поистине нежданная удача — наследство дядюшки Эдмонда!

Пару дней назад он перебрался в дом номер 3 по улице Сибаритов вместе с женой Люси, сыном Николя и Уарзазатом, кастрированным карликовым пуделем.

— Лично мне нравятся эти серые стены, — заявила Люси, тряхнув пышными рыжими волосами. — Тут можно все обставить на свой вкус. Работы предстоит непочтатый край. Это все равно что сделать из тюрьмы гостиницу.

— А где моя комната? — спросил Николя.

— Там, дальше, справа.

— Гав-гав, — подал голос пес и принялся покусывать щиколотки Люси, не считаясь с тем, что в руках у нее был свадебный сервиз.

Его живо заперли в туалете на ключ, поскольку он легко допрыгивал до дверных ручек и изловчился на них нажимать.

— Ты хорошо его знал — своего щедрого дядюшку? — продолжила Люси.

— Дядюшку Эдмонда? Сказать по правде, все, что я помню, — это как он играл со мной в самолетики, когда я был совсем малыш. Однажды я так сильно испугался, что описал его.

Они рассмеялись.

— Как это, неужели душа ушла в пятки? — подтрунила над ним Люси.

Джонатан сделал вид, будто не расслышал.

— Он тогда даже не обиделся на меня. Только сказал маме: «Что ж, теперь будем знать — летчик из него

не выйдет...» Потом мама рассказывала, что он всегда интересовался моей жизнью, но я его больше не видел.

— А кто он был по профессии?

— Ученый. Биолог, кажется.

Джонатан задумался. В конце концов, он совсем не знал своего благодетеля.

В

6 км оттуда:

Бел-о-Кан,

Метр в высоту.

50 ярусов под землей.

50 ярусов над землей.

Самый большой город в округе.

Предполагаемая численность популяции — 18 миллионов обитателей.

Годовая выработка:

— 50 литров медвяной росы тлей;

— 10 литров медвяной росы щитовок;

— 4 килограмма шампиньонов;

— выкопанный гравий — 1 тонна;

— действующие проходы — 120 километров;

— площадь поверхности — 2 квадратных метра.

Луч скользнул в сторону. Шевельнулась лапка. Первое движение после трехмесячной спячки. Медленно распрямляется другая лапка с парой коготков на конце, и они мало-помалу раздвигаются. Расправляется третья лапка. Потом — грудь. И вот одно существо готово. За ним — двенадцать существ.

Они подрагивают, разгоняя кровь по артериальной сети. Из тестообразного состояния кровь пере-

ходит в вязкое, потом в жидкое. Постепенно оживает сердечная мышца. Она толкает жизненный сок к самым кончикам их конечностей. Двигательный аппарат разогревается. Сверхсложные сочленения вращаются. Коленные суставы под щитками скручиваются до предела.

Они поднимаются. Их тела вновь обретают энергию. Движения неловкие. Замедленные. Они слегка вздрагивают, встряхиваясь. Передние лапки складываются возле рта, словно в молитве, но нет, они всего лишь смачивают коготки, чтобы начистить до блеска свои усики.

Двенадцать пробудившихся растирают друг дружку. Затем пробуют разбудить других. Но им и самим-то едва хватает сил двигаться — оделить своей энергией кого-то еще они не могут и отступаются.

Они с трудом переваливаются через оцепеневшие тела собратьев. И направляются навстречу великому Внешнему миру, чтобы получить тепло дневного светила.

Истощенные, они едва продвигаются. Каждый шаг отдается болью. Им так хочется снова улечься спать, утомиться, подобно миллионам сородичей! Но нет. Они пробудились первыми. И теперь должны разбудить целый город.

Они продираются сквозь поверхностный слой города. Солнечный свет их слепит. Но встреча с чистой энергией придает им сил.

*Солнце в наши полые скелеты проникает,
Мышцы наши омертвевшие оживляет
И мысли беспорядочные объединяет.*

Это старинная песнь рыжих муравьев пятого тысячелетия. Уже в те стародавние времена им хотелось воспеть в мыслях своих первую встречу с теплом.

Оказавшись снаружи, они принимаются методично умываться, выделяя белую слюну и обмазывая ею челюсти и лапки.

Они чистятся. Это целый церемониал, причем неизменный. Сначала глаза. Тысяча триста маленьких оконцев, образующих каждый шаровидный глаз, очищаются от пыли, смачиваются, высушиваются. То же самое они проделывают с нижними, средними и верхними конечностями. В довершение всего начищают до блеска свои прекрасные рыжие панцири — так, чтобы они сверкали, точно огненные капли.

Среди дюжины пробудившихся муравьев оказывается и самец-производитель. Он чуть меньше средней особи белоканской популяции. У него узкие челюсти, и прожить ему суждено несколько месяцев, не дольше, хотя при этом он наделен преимуществами, неизвестными его собратьям.

Первая привилегия его касты: у него, как у половой особи, пять глаз. Пара больших выпученных глаз, обеспечивающих широкое поле обзора, — до 180 градусов. Кроме того, три маленьких глазка, расположенных треугольником на лбу. На самом деле три лишних глаза — это датчики инфракрасного излучения, они позволяют улавливать на расстоянии любой источник тепла даже в кромешной тьме.

Подобное свойство тем более ценно, что большинство обитателей крупных городов нынешнего столетия начисто ослепло, поскольку им пришлось всю жизнь провести под землей.

Но он наделен этим свойством. К тому же у него (как и у самок) имеются крылья, которые однажды позволят взлететь в любовном порыве.

Грудь его защищена особой пластиной — мезотоном.

Усики у него длиннее и чувствительнее, чем у других обитателей.

Этот молодой самец-производитель надолго остается на куполе — погреться на солнышке. Затем, хорошо согревшись, он возвращается в город. Он временно входит в касту муравьев-«тепловестников».

Он перемещается по третьему нижнему ярусу. Здесь все по-прежнему пребывают в глубоком сне. Скованные холодом тела оцепенели. Усики поникли.

Муравьи все еще видят сны.

Молодой самец протягивает лапку к рабочей особи, желая разбудить ее теплом своего тела. Это прикосновение вызывает приятный электрический разряд.

После второго звонка слышались тихие шаги. Дверь открылась, но не сразу, а после того, как бабушка Августа сняла предохранительную цепочку. После смерти двух своих детей она стала затворницей в маленькой квартирке площадью тридцать квадратных метров и жила воспоминаниями о прошлом. Это не шло ей на пользу, но душевной доброты у нее в результате не убавилось.

— Знаю, это прозвучит странно, но надень тапки. Я натерла воском паркет.

Джонатан повиновался. Августа засемила впереди, ведя его в гостиную, где большая часть мебели была зачехлена. И все же примоститься на краешке дивана так, чтобы не сдвинулся чехол, ему не удалось.

— Я так рада, что ты пришел... Веришь ли, накануне я как раз собиралась тебе позвонить.

— В самом деле?

— Представляешь, Эдмонд оставил мне кое-что для тебя. Письмо. Он так и сказал: «Если умру, передай это письмо Джонатану во что бы то ни стало».

— Письмо?

— Письмо, да, письмо... Гм... вот только не помню, куда я его положила. Погоди-ка... Он дает мне письмо, я говорю, что спрячу его, и кладу в коробку. Кажется, в одну из жестяных коробок в большом стенном шкафу.

Шаркнув раз-другой шлепанцами, она застыла на месте, так и не успев толком сдвинуться с места.

— Ты смотри, какая же я глупая! Ну как я тебя встречаю! Хочешь чаю с вербеной?

— С удовольствием.

Августа ушла на кухню и загромыхала кастрюлями.

— Рассказал бы, что у тебя новенького, Джонатан! — бросила она.

— Все не так уж плохо. Вот только с работы уволили.

Старушка на мгновение просунула в дверь седую головку, потом с серьезным видом показала в проеме целиком, в длинном синем фартуке.

— Что, выгнали?

— Да.

— А почему?

— Видишь ли, слесарное дело — штука хитрая. Контора «Спасите наш замок» трудится круглосуточно, мы работаем по всему Парижу. Но после того, как на одного моего сослуживца напали, я отказался выезжать по вечерам в неблагополучные районы. Вот меня и выперли.

— Ты правильно поступил. Уж лучше быть безработным и здоровым, чем наоборот.

— Да и с начальством у меня не заладилось.

— А как твои опыты с утопическими общинами? В мое время они назывались коммунами Новой эры. — Она прыснула укладкой, и это прозвучало у нее как «но-о-ры».

— После того, как у нас ничего не вышло с пиренейской фермой, я бросил это дело. Люси осточертело стря-

пать на всю ораву и мыть за всеми посуду. К нам втерлись чужаки. Мы переругались. И теперь я живу с Люси и Николя... Ну, а ты как, бабуля?

— Я-то? Живу себе помаленьку. Но это уже требует усилий.

— Счастливая! Ты дотянула до нового тысячелетия...

— А знаешь, меня больше всего поражает то, что ничего не изменилось. Раньше, когда я была совсем девочкой, говорили, что, когда настанет новое тысячелетие, случится что-то невообразимое, но, как видишь, ничего такого не произошло. Старики все так же одиноки, все так же полно безработных, все так же дымят машины. Даже мысли не изменились. Смотри, год назад заново открыли сюрреалистов, дорок-н-рольную эпоху, и вот уже газеты трубят о великом возвращении мини-юбок этим летом. Если дело и дальше так пойдет, глядишь, снова вытащат на свет божий старые идеи начала века минувшего — коммунизм, психоанализ, теорию относительности...

Джонатан улыбнулся:

— Но ведь был же и кое-какой прогресс: увеличилась средняя продолжительность жизни, и разводов стало больше, и уровень загрязнения воздуха повысился, и протяженность линий метро...

— Эка невидаль! А я-то думала, у каждого из нас будет по собственному самолету и мы сможем взлетать прямо с балконов... Знаешь, когда я была молодая, люди боялись атомной войны. До жути. Страшились сгинуть в столетнем возрасте в пекле гигантского ядерного гриба, сгинуть вместе с планетой... и это, что ни говори, было впечатляюще. Но вместо этого я сгину в земле, как старая гнилая картофелина. И всем на это будет наплевать.

— Да нет же, бабуля, нет.

Она вытерла лоб.

— А тут еще эта жара, и с каждым днем становится все жарче. В мое время такого пекла не бывало. Зима была как зима, лето — как лето. А теперь жарить начинает уже в марте.

Она вернулась в кухню и засуетилась там, хватая с завидной ловкостью все необходимое для приготовления настоящего доброго чая с вербеной. После того как Августа чиркнула спичкой, в допотопной плите загудел газ, и она вернулась, заметно успокоившись.

— Но признайся все же, ты, верно, заглянул ко мне на огонек с какой-то определенной целью. Проведать стариков просто так в наше время не приходят.

— Не будьте такой циничной, бабуля.

— А я говорю это без малейшего цинизма, потому как знаю, в каком мире мы живем, только и всего. Ладно, хватит ломать комедию, выкладывай, зачем пришел.

— Я бы хотел, чтобы ты рассказала про него. Он завещал мне свою квартиру, а я его даже толком не знал...

— Про Эдмонда? Ты что, не помнишь Эдмонда? А ведь он так любил играть с тобой в самолетики, когда ты был маленький. Помню даже, как-то раз...

— Да, я тоже помню ту историю, но больше ничего.

Августа расположилась в большом кресле, явно стараясь не помять чехол.

— Эдмонд... гм... это была личность. Еще совсем юным он доставлял мне немало хлопот. Хотя я и была его матерью, приходилось мне непросто. Так вот, он, например, постоянно ломал свои игрушки — все больше разбирал их на части, а собирал раз в год по обещанию. Да если б он ломал только игрушки! В его руках рассыпалось все: часы, проигрыватель, электрическая зубная щетка. А однажды он даже разобрал холодильник.